Примерно через 10 минут Кан Хо Су вернулся в комнату отдыха и кивнул У Джину и Хён Мину, давая им зеленый свет на создание фотокниг.

— Однако У Джин не может появиться в киоске, когда будете продавать фотокниги, и вы должны сделать их без нашей помощи. Генеральный директор сказал, что мы не будем проверять качество образцов, так как это продукция, сделанная студентами для университетского задания, но он возлагает большие надежды на фотокниги. Кроме того, он хочет стать вашим самым первым клиентом.

Генеральный директор Чан Су Хван неожиданно легко и без глубоких раздумий дал им разрешение. Ему было очень интересно, как друг У Джина сделает фотокнигу по сравнению с настоящим профессионалом. Это был крайне редкий, но интересный опыт.

Ему также было интересно узнать разницу между тем, как художник воспринимал свою модель и как друг воспринимал У Джина. Если бы этот процесс и предыстория были показаны по телевидению, реакция тех, кто купил эти фотокниги, была бы, мягко говоря, интересной.

Естественно, впоследствии эти фотокниги, скорее всего, стали бы дефицитной и элитной продукцией на рынке, но это не то, о чем должно было беспокоиться агентство.

Было много случаев, когда фанаты лично фотографировали своих кумиров, чтобы сделать любительские фотокниги. Подобно тому, как агентства не могли регулировать каждый продукт на рынке или ограничивать деятельность фанатов, желание фанатов потреблять больше контента их любимого кумира не могло быть утолено.

— Тогда давайте начнем! — воскликнул Хён Мин.

— Уже?

— Ты же понимаешь, что остальные опережают нас на десять дней, потому что кто-то хотел подождать, пока закончится экзамен?

На выполнение задания им было дано три недели, но из-за собеседования У Джина прошло десять дней, а у дуэта ничего не было за плечами.

Таким образом, у них было меньше двух недель на выполнение задания. Большую часть работы занимала фотосъемка, но редактирование и компиляция фотографий также были важны и требовали много времени.

Воодушевленный Хён Мин собрал свои вещи и встал. У Джин последовал его примеру, но затем смущенно сказал своему другу.

— Я должен хотя бы принять ванну перед этим.

Пот, покрывавший его тело, высох за время их разговора, поэтому У Джин чувствовал себя неприятно липким, и ему не хотелось ничего делать, пока он не помоется.

Глаза Хён Мина внезапно засветились, как будто он получил просветление от слов У Джина.

— Только не говори мне, что ты хочешь сфотографировать, как я принимаю ванну?! — воскликнул У Джин, как только заметил взгляд своего друга.

Они знали друг друга настолько хорошо, что могли угадывать мысли друг друга.

— Ни за что! Неважно, насколько я ослеплен деньгами и высокими оценками, я все еще человек с чувством собственного достоинства.

— Я не думаю, что у тебя есть хоть какое-то достоинство, — подколол У Джин Хён Мина.

У Джин с подозрением посмотрел на своего друга и отступил на пару шагов, чтобы оставить между ними некоторое расстояние.

— Я только что придумал тему для фотокниги. Как насчет того, чтобы запечатлеть тебя в твоем естественном виде?

— В естественном...

У Джин задрожал, так как его упреки, казалось, только еще больше разожгли воображение Хён Мина. Он задавался вопросом, не попал ли он случайно на минное поле, пытаясь выбрать легкий путь.

— Я думал об общественной бане! Сцена, где Чхэ У Джин с полотенцем, обернутым вокруг головы, в два бараньих рога, ест вареное яйцо с чашкой сикхе[1] в руке. Это была бы отличная идея для картины! Ты что, думал, я предложу что-нибудь неприличное? Я чистая и невинная душа.

— Ооо, но я больше не могу ходить в бани. Я устрою переполох, просто находясь там.

У Джин не очень любил общественные бани. У него не было ни времени, ни свободы, чтобы расслабиться в этих местах, и он был человеком, чувствительным к жаре, поэтому ему не нравилось находиться в жарких и влажных местах.

Тем не менее, У Джин ходил туда со своими друзьями. Но в настоящее время бани были одним из тех мест, которые он не мог больше посещать из-за своей известности.

Он не боялся, что его узнают, он боялся всех ужасных фотографий, которые могли быть сделаны, когда он находился в общественной бане.

— Но полотенце, яйца и сикхе... Это такие замечательные идеи... — пробормотал про себя Хён Мин, не желая, чтобы его идея пропала даром. Затем он надел странную улыбку и щелкнул пальцем.

— Все фотографии являются точными. Но ни в одной из них нет истины.[2]

Хён Мин процитировал невежественному У Джину слова американского фотографа и сказал, чтобы тот шел мыться домой. Затем Хён Мин поспешно ушел, заявив, что ему нужно подготовить камеру и еще кучу других вещей.

У Джин все больше волновался, видя волнение своего друга. Он слишком хорошо знал, как могут резко измениться студенты, когда их ослепляет успеваемость.

У Джин на мгновение задумался о том, чтобы продолжить продавать мыло, но тут же передумал, стоило ему увидеть большую маску медведя. От одной мысли о том, чтобы снова надеть ее, у него забилось горло.

У Джин поднялся со своего места и шлепнул маску, лежавшую на столе. Лучше он ослепнет от жадности к хорошим оценкам, чем будет мучиться в этом жарком и душном костюме.

***

Хён Мин приготовил камеру фирмы, название которой звучало как "пушка"[3]; одежду, подходящую для общественных бань; сикхе и многое другое.

У Джин сел перед обогревателем, накинув на голову полотенце в виде рогов, и разложил перед собой все виды закусок, которые можно увидеть в бане.

— Теперь ты просто создаешь небылицу! — воскликнул У Джин.

— Это не значит, что это неправда. Концепция - это радость и печаль молодого человека, который не может пойти в общественную баню, так что просто пей сикхе! Что касается твоего лица... Ну, оно выглядит чистым и мягким, так как ты только что принял ванну. Это хорошо.

Хён Мин взял У Джина за подбородок и повернул его голову, осматривая лицо. Чистая кожа У Джина идеально подходила для представления эффекта бани, поэтому не было необходимости наносить макияж.

На самом деле, у них даже не было выбора, так как они не могли попросить Хван И Ён

наложить макияж для У Джина из-за указаний генерального директора Чана. Пока У Джин сидел перед обогревателем со своими плюшками из полотенца и закусками, им удалось воссоздать атмосферу бани.

У Джин очистил вареное яйцо и ел, потягивая сикхе. Усталость от дня постепенно брала верх, и его глаза медленно утратили блеск.

— Отлично! Теперь переоденься, — сказал Хён Мин.

— Хм? Что?

— Мы закончили с концепцией общественной бани. Переодевайся в другую одежду. Давай сделаем еще фотографий.

Из-за нехватки времени У Джин переоделся в спешке, и на этот раз его повели на кухню.

— Но я уже показывал людям, как готовлю.

У Джин несколько раз готовил еду во время съемок в "Запечатленной жизни", и два из этих случаев уже были показаны по телевидению. Он утверждал, что людям больше не будет интересна эта концепция, так как они уже знакомы с ней.

— Это фотосессия, а не документальный фильм. Используй свои навыки, чтобы превратить любой момент времени в произведение искусства, выходящее за рамки реальности.

— Все, что я понял из этого: "У меня больше нет идей и концепций, поэтому давайте просто сделаем случайные снимки", да? — ответил У Джин.

Хён Мин не ответил на комментарий своего друга и просто поднял камеру, призывая У Джина приготовить что-нибудь. Тот открыл холодильник и достал несколько ингредиентов для приготовления салата. Он положил в миску салат-латук, отваренные брокколи и поджарил немного бекона.

Каким бы хорошим ни был салат, он не будет аппетитным, если в нем не будет мяса.

У Джин убрал масло с жареного бекона кухонным полотенцем. Затем, чтобы приготовить соус, он мелко нарезал лук и маринованный огурец и смешал их с майонезом, лимонным соком, солью и перцем.

У Джин вылил соус на овощи и бекон, перемешал все вместе и взял вилку, чтобы попробовать. Но не успел он откусить кусочек, как Хён Мин крикнул, что они закончили, и призвал У Джина перейти к следующей сцене.

У Джину пришлось вернуться в комнату и снова переодеться, так как Хён Мин все время торопил его из-за отсутствия времени. Несмотря на то, что они снимали дома, У Джину приходилось постоянно менять и подправлять прическу, так как концепции отличались друг от друга.

У Джин вообще отказался от макияжа и только подправил прическу. На этот раз он вышел в темно-синей клетчатой рубашке и удобных джинсах.

Затем увидел Хён Мина, сидящего на диване и мирно потирающего живот с чашкой сикхе в руке и пустой салатницей рядом.

Взгляд У Джина обострился, и он уставился на своего друга. Когда Хён Мин заметил У Джина, он вскочил и направил камеру на актера, прежде чем тот успел что-либо предпринять.

— Почему кажется, что ты используешь это, чтобы угрожать мне? — спросил У Джин.

— Ты не ошибешься, если назовешь это оружием, ведь его кличка - Кэннон.

Знаменитости не могли прожить без камер, но эти же камеры были и их злейшими врагами.

Так было и с У Джином. Когда объектив камеры был направлен на него, ему приходилось принимать позу и вести себя крайне осторожно.

— Хм, хочешь сфотографироваться с У Са на этот раз? — спросил Хён Мин.

— Нет, это слишком утомительно для У Са.

Поскольку в ограниченном пространстве постепенно заканчивались идеи и материалы, Хён Мин вскользь упомянул У Са. Он подумал, что фотография с домашней кошкой У Джина была бы идеальным вариантом, но У Джин тут же покачал головой.

В нынешней ситуации, когда Чхэ У Ра отвергали и оскорбляли из-за У Са, У Джин не мог просто сделать фотографию и выложить ее на всеобщее обозрение. Это выглядело бы так, будто У Джин насмехается над ней, показывая, что он ладит с брошенной ею кошкой, что не понравилось бы самому У Джину.

Даже если он не считал Чхэ У Ра своей сестрой, даже если она была для него просто незнакомкой, У Джин чувствовал, что это было бы незаслуженной насмешкой и нечестной игрой. Кроме того, он беспокоился, что У Са будет испытывать стресс в месте с большим количеством незнакомых людей, ведь с ними была съемочная группа "Запечатленной жизни".

Хён Мин почувствовал скрытый смысл в словах У Джина и не стал спорить. Он просто

продолжил думать над другой концепцией. Вскоре он указал на пианино в гостиной.

— На этот раз играй на пианино, выглядя немного сонным, будто не до конца проснулся поздним утром. Звучит неплохо?

— Утро? Но небо уже темное.

У Джин начал понемногу раздражаться. Весь вечер он бегал по дому и постоянно переодевался.

Поскольку тема фотокниги заключалась в том, чтобы показать У Джина в его естественном состоянии, У Джину не нужно было играть. Поэтому, несмотря на отсутствие умственной усталости, У Джин все еще был физически измотан всеми делами, которые он делал сегодня с полудня и до сих пор.

День так долго тянулся, что он предпочел бы изнурять себя игрой всю ночь, и это было бы более полезно и приятно.

Увидев, что У Джин изображает раздражение и взъерошивает волосы, Хён Мин крикнул "Хорошо~!" и, кивнув, спустил затвор. В глазах У Джина сквозь беспорядочную челку отразилось недоумение и недоверие. Он мог только ухмыляться и смеяться над своим другом, который продолжал фотографировать в такой ситуации.

У Джин нехотя сел перед пианино и посмотрел в окно гостиной. Невозможно было создать спокойную утреннюю атмосферу в ситуации, когда ночное небо заполнило горизонт.

«Если уж так получилось, то это тоже сойдет.»

— Я сыграю известное произведение. А произведение, которое лучше всего выражает мои нынешние чувства, это...

«5-я симфония Бетховена.»

У Джин начал играть знаменитую симфонию, более известную как "Судьба".

Съемочная группа была на мгновение ошеломлена грандиозным и мощным началом. Динамичная игра быстро становилась все более нетерпеливой, заставляя слушателей волноваться.

У Джин играл на пианино слишком бурно, создавая ощущение тревоги, словно слушатели не могли предугадать, что будет дальше. Мелодия, созданная его одержимыми пальцами, танцующими без конца, поражала сердца слушателей, но не их судьбу.

Хён Мин сетовал на то, что его фотографии не могут передать звучание игры У Джина, но он все равно сделал столько снимков, сколько смог. Сначала он искал спокойную атмосферу позднего утра, но и это оказалось не так уж плохо.

Вечер за окном сливался с мелодичной музыкой, набрасывая на гостиную одинокую и меланхоличную пелену.

Так закончилась их первая фотосессия. Они получили все фотографии, которые могли сделать в доме, поэтому Хён Мин и У Джин назначили фотосессию на свежем воздухе на следующий день.

— Во-первых, мы проведем фотосессию завтра утром, а в полдень перейдем к продаже мыла, и...

— Подождите, мы будем продавать еще мыло? — вмешался У Джин.

Его выражение лица исказилось, как будто он услышал что-то ужасное.

— Нам нужно. У нас все еще есть куча непроданного мыла. Или нам лучше выбросить их? — с сарказмом спросил Хён Мин.

На самом деле, оставалось еще несколько кусков мыла, которые они заказали и получили. Они планировали продать все мыло в эти выходные двумя партиями, а если все пройдет хорошо, то заказать еще и продать их в следующие выходные.

— Тогда мне снова придется надеть костюм медведя?

— Если тебе так не нравится, я продам их завтра один.

При этих словах Хён Мина, У Джин не смог заставить себя отказать. Они были партнерами по заданию, поэтому было бы нечестно со стороны У Джина не помочь с продажей только потому, что это утомительно.

Поскольку У Джин не хотел показывать свое лицо, единственный способ прорекламировать мыло - это надеть костюм.

— Тогда зачем мы вообще делаем фотокнигу?

У Джин согласился сделать фотокнигу, чтобы не надевать костюм медведя, но он чувствовал себя так, будто попал в бесконечный порочный круг.

— Потому что нам не нужно продавать мыло, если мы сделаем фотокнигу? — ответил Хён Мин, озадаченный вопросом своего друга.

Они ничего не могли сделать с уже сделанными кусками мыла, но если бы они делали фотокниги, то им не пришлось бы заказывать и продавать новые куски мыла на следующей неделе.

— Тогда как мы будем продавать фотокниги?

— Точно так же, как мы продавали мыло, очевидно...

Голос Хён Мина стал тише к концу предложения, когда его осенило, и он украдкой взглянул на У Джина. Генеральный директор Чан запретил У Джину показывать себя при продаже фотокниг.

Другими словами, Хён Мин должен либо продавать фотокниги в одиночку, либо У Джин должен будет надеть костюм и приставать к прохожим, как сегодня днем.

Хён Мин молча встал и собрал свою камеру и вещи. Затем он быстро вышел из дома, оставив У Джина, который еще не осознал всю серьезность ситуации, на попечение съемочной группы "Запечатленной жизни".

Вскоре У Джин постепенно осознал, что происходит. Но прежде чем он успел прийти в ярость, Хван И Ён молча достала костюм медведя, который был сложен и упакован в багаж, и передала его У Джину.

Похоже, У Джин поторопился с ответом, сказав, чтобы она забрала костюм, так как он ему больше не нужен.

Примечание:

Сикхе (□□) - это традиционный сладкий корейский рисовый напиток с зернами вареного риса внутри.

Цитата американского фотографа Ричарда Аведона.

Фотоапарат фирмы Canon. Пушка на английском Cannon.

http://tl.rulate.ru/book/60946/2953598